

ОДНАКО...

И

А ЦЕНТРАЛЬНОЙ студии документальных фильмов режиссер В. Федорченко показывала только что закон-

ченный фильм.

Задумывался он поначалу как обычная информация о Доме-музее Ф. Шалипина в Москве.

Но автор фильма сумела превратить хроникальный и иконографический материал в прелестную щемящую элегию о драме русского искусства на сломе двух эпох в Октябре 1917-го, о вынужденной эмиграции, о той неизлечимой, тяжелой болезни, имя которой ностальгия, о слишком позднем возвращении в родные пенаты одного из прославленных сыновей России, но теперь уже, увы, только в виде фотоотпечатков, писем, раздумий. И чарующего голоса, который звучит за кадром, нет, не за кадром, он ошутим, осязаем, он, словно живой Шалипин, присутствует здесь, в маленьком зале.

А потом смотрели маленький любительский ролик, снятый в Париже давным-давно. Дома у С. Рахманинова: сам хозяин с семьей, Ф. Шалипин, художники К. Сомов, К. Коровин.

Не рвется связь времен

Кто-то в зале восклицает:

— Боже мой, какие лица!

— Да, — подхватывает другой голос, — с нынешними не сравнишь.

И я почему-то сразу вспоминаю, как год или два назад была в Москве фотовыставка «Август 1914», на которой перед нами предстала Россия в образах людей прошлого. Солдаты, есаулы, сестры милосердия, священники, купцы, городовые, лабазники, извозчики, босяки, приближенные Его Величества Государя, и снова солдаты.

Они смотрели на нас — глаза в глаза — из другой эпохи, другой эры.

Помню горестное восклицание какой-то девушки:

— Ах, какие лица! Какая чистота помыслов, духовность, благородство!

И действительно, удивительными казались лица служивых на привале, ставивших пудовые пыльные сапоги, сбросивших пропотевшие фуражки (зной, август), и у многих лбы там, куда приходится козырек, были под детски незагорелыми, и глаза, по видимому, голубые, смотрели как-то очень доверчиво, и становилось их жалко и стыдно, словно мы — нынешние, поступили с ними как-то не по совести, предали еще тогда, в Октябре 1917-го.

Так и уходили с выставки, вздыхая, вот, мол, она — подлинная Рос-

сия-матушка — исконная, не раскряшенная, не расказаченная, не расстрелянная. Мы-то что? Дрянь, по следки, весь российский генофонд там остался, не воротить.

Выходило и выходит в последние годы так, что Октябрь аккуратно, словно острым ножом пирог, разрезал Россию на две части. В первой остался цвет нации — люди достойные, нравственные, возвышенные, а здесь, вот уже более СЕМИДЕСЯТИ лет — одни обсевки, мелочь, мусор, ни на что путное не способный.

Но тогда вопрос: кто же буквально вручную в немислимо короткие сроки превратил лапотную Россию в стальной бронированный утес, ударившись о который?.. треснул и рассыпался в прах крепчайший костяк армады нацистов — ультрамеханизированной, высококлассной, блестяще организованной?

Разве не те же люди с чистыми и доверчивыми глазами, солдаты Великой Отечественной — дети и внуки тех, очаровавших нас на фотовыставке?

Вспомните глаза Чкалова и Громова, Челюскинцев и строителей Днепротреста, героев Испании, великолепной плеяды мхатовцев, чумазых шахтеров и мокрых с головы до ног рыбаков, небритых в разгар жатвы колхозников и суровых не по годам, безусых пограничников с Хасана и Халхин-Гола.

А глаза Гагарина и Королева?

Святые лики пожарников Чернобыля?

И, наконец, вдохновенные лица мальчишек и девчонок на баррикадах Красной Пресни не в декабре 1905-го, а в августе 1991-го.

Неужели после всего этого можно еще вздыхать о том, что наш народ вырождается?

Все чаще встречаемся с эмигрантами так называемой первой волны, вернее, с их детьми. Их-то не задело в зарубежье наши СЕМЬДЕСЯТ, и уж они должны были сохранить ту особую осанку, одухотворенное выражение глаз.

Однако...

Благообразные, милые, интеллигентные господа и дамы — не более. Ничем особенно не выделяющиеся, так же, как и последний потомок семьи Романовых, живущий ныне в Париже — ей-богу, не зная, что это наследник престола, можно подумать, что перед тобой сотрудник НИИ, работник министерства, возможно, врач, журналист...

Передо мной — переизданный недавно сборник статей видных юристов «Преступный мир Москвы» о криминальной ситуации в стране с конца прошлого века по двадцатые годы нынешнего.

Оказываются, всегда были в России уголовники — бандиты и воры, проститутки, дезертиры, матери, подбрасывающие своих младенцев, вымогатели (читай «рэкетеры») и «не имеющие видов» бродяги (читай «бомж»).

Имелись в государстве тюрьма и каторга, толпы нищих и армия, где мордобой и бесправие были делом обычным, никого не возмущавшим.

Все было.

Чего же стоят легенды о какой-то прямо-таки неземной, великой духовности, которой якобы наделялся каждый житель России прямо с пеленок?

В конце фильма о Шалипине, когда я снова, в который раз восхитился барской осанкой, мужественной красотой волжского самородка (вышел-то, между прочим, не из дворян, не из потомственных аристократов, где веками пестовалась утонченная человеческая порода, а из обыкновенных казанских мещан), на экране при открытии мемориальной доски великому певцу мелькнуло вдруг поразившее всех лицо — молодой Шалипин!

Сын? Внук?

Нет, Александр Огнивцев. Тоже артист. И тоже певец. И тоже бас! (Вспомнилось, что исполнял роль Шалипина в фильме «Мусоргский»).

Сходство поразительное, как говорится, нарочно не придумаешь.

А впрочем, ничего удивительно. Никто наш генофонд не разрывал. И Россия не разрезана. Цела. Россия продолжается!

Анатолий КОЗАК.